

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ
ПРИКАРПАТСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ
ІМЕНІ ВАСИЛЯ СТЕФАНІКА

**ВІСНИК
ПРИКАРПАТСЬКОГО
УНІВЕРСИТЕТУ**

Педагогіка

**ВИПУСК XXI
Частина 1**

Івано-Франківськ
2008

В 53 Вісник Прикарпатського університету. Педагогіка. 2008. Випуск XXI. Частина 1: Матеріали III Міжнародної науково-практичної конференції "Сучасні тенденції розвитку освіти в Україні та за кордоном". / Горлівський державний педагогічний інститут іноземних мов. 8-9 жовтня 2008 р. – Івано-Франківськ: Видавничо-дизайнерський відділ ЦІТ Прикарпатського національного університету, 2008. – 440 с.

У віснику висвітлено результати наукових досліджень з актуальних проблем педагогіки: теоретико-методологічних і методичних засад формування народознавчої компетентності особистості в умовах сучасних навчальних закладів України.

Вісник розрахований на науковців, викладачів, аспірантів, педагогів, студентів, а також усіх тих, хто цікавиться означеними проблемами.

In the bulletin the results of scientific researches on the problems of the modern Pedagogics are reflected: theoretical-methodological and methodical principles of the forming of the ethnological competence of a personality in the conditions of modern educational establishments of Ukraine.

The bulletin concerns research workers, teachers, graduate students, students, and also all those, who are interested in the noted problems.

Друкується за ухвалою Вченої ради Прикарпатського національного університету імені Василя Стефаника.

Редакційна рада: д-р філол. наук, проф. В.В.Грещук (*голова ради*); д-р філос. наук, проф. С.М.Возняк; д-р філол. наук, проф. В.І.Кононенко; д-р істор. наук, проф. М.В.Кугутяк; д-р юрид. наук, проф. В.В.Луць; д-р філол. наук, проф. В.І.Матвіїшин; д-р фіз.-мат. наук, проф. Б.К.Остафійчук; д-р пед. наук, проф. Н.В.Лисенко; д-р хім. наук, проф. Д.М.Фреїк.

Редакційна колегія: д-р пед. наук, проф. Н.В.Лисенко (*голова редакції*); д-р пед. наук, проф. Т.К.Завгородня; д-р пед. наук, проф. А.В.Вихруш; канд. пед. наук, проф. Б.А.Грицюк; д-р пед. наук, проф. В.В.Кемінь; д-р пед. наук, проф. В.К.Майборода; канд. пед. наук, Л.О.Мацук (*відповідальний секретар*); д-р пед. наук, проф. А.С.Нісімчук; канд. пед. наук, проф. В.Д.Хруш.

Видається з 1995 р.

Адреса редакційної колегії:

76000, Івано-Франківськ, вул. Мазепи, 10,

Педагогічний інститут

Прикарпатського національного університету імені Василя Стефаника.

Видавничо-дизайнерський відділ ЦІТ

Прикарпатського національного університету, 2008.

Тел.: 59-60-50.

УДК 882. 6. 09 (091) (075.8)

ББК Ш 83.3 (0)

Елена Беляя

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ХАРАКТЕР КАК МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОЙ ЛИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ)

В данной статье обосновывается актуальность проблемы, приёмы и средства формирования толерантной личности в процессе литературного образования на основе научения через наблюдение (А.Бандура) разнообразных моделей толерантного поведения, в качестве которых выступают образы-характеры произведений отечественной прозы.

Ключевые слова: толерантная личность, литературный характер, наблюдение, модель, критическое мышление.

Личностно ориентированное обучение предполагает выделение в содержании учебного материала образовательных объектов и формирование к ним у учащихся ценностного отношения. Национальный характер белорусов сложился под влиянием географического положения Белоруссии на перекрестке европейских дорог, того, что она практически не была самостоятельным государством, а, напротив, постоянным объектом завоеваний со стороны более могущественных соседей. Другим фактором явилось конфессиональное разнообразие и сосуществование различных религий на ее территории. Это повлияло на формирование такой черты национального характера, как толерантность. Она является сверхценностью, выработанной национальной культурой (как успех у американцев, эмоция – у русских, у европейцев – устойчивость жизни и т.п.). Согласно содержанию естественнонаучного понятия, толерантность – это способность организма без видимого для себя ущерба переносить потенциально неблагоприятные для него воздействия тех или иных факторов окружающей среды, иначе говоря, определенный запас прочности, которая может быть не только физической, а и психической.

Определяя толерантность как внутреннюю психологическую черту личности, мы атрибутируем ей следующие признаки: обостренное чувство социальной справедливости, эмпатию, милосердие, неприятие агрессивности, воинствующего фанатизма, компромиссность в решении конфликтных ситуаций [1, с. 94]. Толерантность – плод личного и исторического опыта, пережитого и прочувствованного. Белорусский народ выстрадал эту ценность и имеет право рассчитывать на взаимопонимание. Проблема воспитания

толерантности у поколения, которому принадлежат ключевые роли в жизни современного социума, объективно актуальна, что обусловлено особенностями общественного развития на рубеже веков и тысячелетий, когда значительно увеличивается число причин для проявления как самой толерантности, так и противоположного ей личностного качества – интолерантности. Оба эти качества являются показателями небезразличия. Важно, однако, помнить о диалектической природе вышеуказанных явлений: чрезмерная толерантность отрицательна – она превращается во вседозволенность, а принципиальность является ничем иным, как положительной интолерантностью. Современная белорусская социокультурная ситуация стимулирует также осмысление истинного смысла толерантности в противовес мифам, сложившимся ещё в советское время и активно культивирующимся на современном этапе. Один из таких мифов – миф о «тотальной» толерантности белорусов, воплощающийся порой в не совсем подходящем контексте, каковым является, например, реклама пива: «...но главное, что мы, белорусы, всегда понимаем убеждения и взгляды другого»...

Феномен толерантности, как психологический и социальный, имеет все основания быть трансформированным в педагогический, поскольку ряд основополагающих качеств личности, таких как гражданственность, патриотизм, активная жизненная позиция, связаны именно с небезразличным, заинтересованным отношением человека к окружающему. Толерантность – это «доминанта отказа от агрессии» [2, с. 5], что закономерно выдвигает ее формирование в ряд первоочередных задач современного общества. Выделяют толерантность как врожденную, так и приобретенную в результате воспитания. Она определяется сформированными у человека установками, привычками, мировоззрением. Исследование данной гуманистической черты национального характера, воплощенной в литературных произведениях, создает предпосылки для самоидентификации молодёжи, актуализирует действие архетипических моделей ненасильственного поведения. Ведь литература содержит социальную информацию, которая, будучи облечена в художественную форму, воздействует на личность более плодотворно. Воссозданный архетип всегда наполняется новым, современным содержанием. Это актуализирует роль литературоведческой интерпретации, особенно в современной социокультурной ситуации как периоде переоценки художественного наследия.

Как уже отмечалось, жизненная необходимость поддержания сложного равновесия, баланса разнохарактерных и разнонаправ-

ленных сил и влияний послужили основой толерантности белорусов как мировоззрения и своеобразной философии жизни. В своем чистом, классическом значении толерантность есть, безусловно, философия демократизма. И в процессе исторического развития белорусов она выявляла как свои сильные, так и слабые стороны. Это прекрасное человеческое и национальное качество может превратиться в свою противоположность – мягкотелость и попустительство, которые могут в определенных условиях принести не меньше вреда, чем деструктивные устремления.

Когда человек, усваивая имеющуюся в обществе модель, начинает ей внутренне соответствовать, это воздействует, пусть пока опосредованно, – и на глобальные процессы [12, с. 225]. Учёт того, что художественная проекция человеческой жизни, представленная в литературном произведении образом-характером, также выступает в качестве такой модели, позволяет нам использовать в процессе формирования толерантной личности основные положения социально-когнитивной теории Альберта Бандуры, согласно которой вербальная передача информации и наблюдение соответствующих моделей (например, других людей) обеспечивает основу для приобретения наиболее сложных форм поведения человека. Учёный установил, что фактически все феномены научения, приобретаемые в результате прямого опыта, могут формироваться косвенно, путём наблюдения за поведением других людей. Из этого вытекает, что фактор наблюдения является ключом к решению многих проблем. Как обоснованно утверждает А. Бандура, через наблюдение «дети могут научиться быть агрессивными, альтруистичными, отзывчивыми или даже несносными» [13, с. 380]. Наблюдение не только обеспечивает передачу специфических форм поведения – через него путём моделирования можно выстроить новое поведение. С точки зрения Бандуры, люди формируют когнитивный образ определённого типа поведения через наблюдение поведения модели, и затем эта информация, хранящаяся в долговременной памяти, служит ориентиром в их действиях. Почти аналогичный взгляд на проблему изложен в Нобелевской лекции И. Бродского. «Роман или стихотворение – не монолог, но разговор писателя с читателем», в момент которого они равны, вне зависимости, великий это писатель или нет. «Равенство это – равенство сознания, и оно остаётся с человеком на всю жизнь в виде памяти, смутной или отчётливой, и рано или поздно, кстати или некстати, определяет поведение индивидума» [3, с. 456]. Приведённые тезисы могут служить ещё одним подтверждением действенности социально-ког-

нитивной теории личности в освоении литературы как вида искусства и учебного предмета.

Развивая данное положение, отметим, что при помощи процессов моделирования наблюдающие извлекают общие черты из, казалось бы, разных реакций и формулируют правила поведения, дающие им возможность идти дальше того, что они уже видели или слышали. Научение через наблюдение может привести к стилю поведения, довольно отличающемуся от того, что человек наблюдал в действительности. Учёный полагал, что люди могут избежать ненужных ошибок и затрат времени на формирование каких-то реакций, а чему-то научиться, хотя бы приблизительно, на примере. Это возможно при условии, если научение через наблюдение будет представлять собой активный критический и конструктивный процесс. Он регулируется четырьмя взаимосвязанными компонентами: внимание, сохранение, моторно-репродуктивные и мотивационные процессы. Человеку недостаточно просто видеть модель и её действия – он должен стараться извлечь релевантную информацию для использования в имитации модели, что актуализирует процессы внимания. Бандура показывает, что среди детерминант внимания, влияющих на моделирование, наиболее важными являются ассоциативные модели. Ассоциативное мышление выступает одним из приоритетных в процессе литературного образования, что делает процесс наблюдения органичным для занятий по данному предмету (достаточно вспомнить приём технологии РКМЧП «Ассоциации»). Литературные герои – это те «люди», общение с которыми может происходить довольно регулярно, поэтому типы их поведения возможно изучать наиболее полно. Внимание к модели, по мнению Бандуры, также определяется её личной привлекательностью, что имеет особое значение в юношеский период развития личности, когда ищут «модели, олицетворяющие харизматические качества» [13, с. 382]. Выделение у литературных героев значимых для обучающихся качеств – важный элемент личностно ориентированного обучения. Особо устойчивые оценочные критерии называются эталонами. Таким образом, в процессе формирования толерантной личности нас интересуют в качестве эталонов образы людей, особенности их поведения. Бесспорно, что чем большее количество эталонов содержится в сознании человека, тем богаче его внутренний мир и выше способность к оценке разнообразных новых объектов действительности.

Также многое определяют на данной стадии собственные мотивы и способности наблюдателя. Учёный утверждает, что лю-

бой набор характеристик, превращающий наблюдение за моделью в течение длительного времени в поощрение, увеличивает вероятность проявления внимания к ней и значительно большую вероятность моделирования. Если же речь идёт о специально организованном наблюдении, то важно применять все средства из арсенала педагогического поощрения, например: в таком качестве правомерно рассматривать разнообразие ситуаций успеха для участников процесса познания.

Следующий набор процессов, вовлечённых в научение через наблюдение, касается долговременного сохранения поведения модели, наблюдаемого ранее. Этому способствуют две репрезентативные системы. Первая из них – образное кодирование. Научение должно быть организовано так, чтобы в сознании обучаемого возникли стойкие и легко воспроизводимые образы того, что наблюдалось, чтобы любая ссылка на события, наблюдаемые ранее, вызывало живой образ или картину.

Вторая репрезентативная система заключается в вербальном кодировании ранее наблюдаемого. Процесс литературного образования располагает для этого широким диапазоном средств. В дальнейшем, при необходимости повторить моделируемую деятельность, вербальный код даст соответствующий сигнал.

Третий компонент научения через наблюдение – перевод информации, символически закодированной в памяти, в соответствующие действия. Хотя человек и тщательно формирует и сохраняет мысленные образы поведения модели, может оказаться, что он будет не в состоянии выстроить поведение правильно. Особенно это сложно в том случае, когда речь идёт не о простом наборе моторных действий, а о поведенческих реакциях, имеющих мировоззренческую основу, в научении которым явно недостаточно простого наблюдения. Организация образовательного пространства с учётом стратегий критического мышления (проблемность, рефлексия, работа в парах и группах и т.п.) будет означать накопление опыта деятельности в символическом воспроизведении модели и её коррекцию на основе информативной обратной связи.

Человек совершает моделируемое поведение, если потенциально присутствует подкрепление – внешнее, косвенное или самоподкрепление. Бандура подчёркивает, что люди, насколько бы хорошо ни следили за моделируемым поведением и какими бы способностями ни обладали для его искусного выстраивания, – не будут делать этого без достаточного стимула. Научение вряд ли возможно

превратить в открытое выполнение, если оно принято негативно. Это предъявляет определённые требования к организации процесса литературного образования в частности, усилению принципа гуманизации и приданию обучению литературе личностно ориентированного характера в целом. Однако необходимо помнить, что современные тенденции развития мирового сообщества объективно актуализируют востребованность толерантной личности. Наблюдение за толерантным поведением, которое предотвращает как-то аверсивные условия, может выступать достаточно сильным стимулом к вниманию, сохранению, а в дальнейшем – в сходной ситуации – и выстраиванию такого же поведения. Человек может также предвидеть, что интолерантное поведение, сходное с наблюдаемой моделью, приведёт к сходным деструктивным последствиям, а это послужит для него стимулом избежать выстраивания подобного поведения в своей жизнедеятельности. Ведь бесспорным является то, что без способности предвидеть вероятный исход будущих поступков люди бы действовали весьма рискованно. Из наблюдения успехов и поражений других люди могут вынести такую же пользу, как и из своего непосредственного опыта.

Избранный нами для исследования историко-литературный период – 1-я треть XX века. Это время, характеризующееся острыми противоречиями бытия, характеров и судеб, изменениями взглядов «частных» людей, рождением главных мифов грядущего столетия, как революционных, так и моральных. Между тем, сложная социокультурная ситуация создавала широкое пространство для художников слова. Они избирали такой ракурс, который позволял бы им оценивать события с точки зрения простого человека, поскольку народный здравый смысл безошибочно разоблачал надуманность теорий, а жизнь опровергала и побеждала любые схемы. Многие прозаики указанного периода «не боятся видение деревенских событий передоверить их непосредственному участнику, крестьянину, испокон веков настораживающему литературу» [8, с. 375]. Выбор простого крестьянина на центральную роль в белорусской литературе в целом определён особенностями национального «кормящего ландшафта» (Л.Н. Гумилёв), из чего вытекало, в первую очередь, то, что белорусские писатели – явления сельские, более того – сельско-хуторские. Совершенно закономерно, что их эвристическая мысль концентрировалась, прежде всего, в образе крестьянина. В ряде произведений белорусской прозы, которые либо написаны в этот период, либо отражают его реалии, мы находим яркие характеры, иллюстрирующие слож-

ность такого явления, как толерантность. Так, герой неоконченного романа К. Крапивы «Медведичи» (1-я книга – 1932 год), член сельсовета Ганский, «...за порядком не смотрит. Куда кто сго повернёт, туда и поворачивается – и нашим, и вашим».

- Да нет, не плохой он человек, – сказал Степан.

- Тряпка, а не человек, – возразил Голоскок. – Кто что хочет, то и делает.

- Хозяина надо выбирать, – сказал Громобой. – Навыбирают вот таких, отвечай потом за них” [11, с. 340-341].

Когда Ганского переизбирают, он чувствует некоторое облегчение, так как обязанности члена сельсовета его, нерешительного и мягкотелого, всегда немного тяготили. Часто он нерешительно топтался перед исполнением того или иного обязательства, и обязательство это чаще всего так и оставалось неисполненным. «Усвоенное Ганским издавна правило, что с людьми надо жить в согласии, всегда вставало ему поперёк дороги, если нужно было сделать тот или иной твёрдый шаг. От этого он часто испытывал неловкость и разлад с самим собой» [11, с. 345]. Председатель сельсовета Сокур в повести В. Быкова «Облава» (1989) представляет собой как результат эволюции вышеуказанного социального типа, так и иной тип художественного характера – «человек-винтик» – на этапе «коренного перелома» в перестройке сельского хозяйства. «Большого зла он не делал, но, видимо, был чересчур податлив для своей должности председателя сельсовета, районное начальство помыкало им как хотело» [4, с. 396]. Именно Сокур по приказу уполномоченного снял новенькие валеночки с ног Олечки, дочери главного героя повести Хведора Ровбы. Правда, “немного помялся, передёрнул бритым лицом, но подступил к девочке и передал приказ... Хведор ...сказал себе: «Ая-я-я-я!», на что Сокур, услышав, вновь передёрнул лицом и молча шевельнул плечами: мол, что сделаешь? Моя ли эта воля? Он взял те чёрные маленькие валеночки и носил с собой, пока они собирали бедные узлы на сани. Вместо того, чтобы сказать тем, из района: не по-божески это – разувать ребёнка, не в тёплые же края отправляли – на север, в морозы, на голод и издевательства. Так нет, не сказал” [4, с. 397].

В зависимости от отсутствия или наличия оснований для негативной реакции выделяют естественную или вынужденную толерантность. К последней относятся толерантность подчинения и толерантность выгоды, сложный синтез которых мы наблюдаем в поведении героев приведенных произведений.

Особый интерес представляет толерантность умысла, когда человек до поры терпит неприятное для него поведение того, кого

он хочет ввести в заблуждение своей нарочитой терпимостью. По нашему мнению, это явление нашло широкое отражение в повести В. Быкова «Сотников» в образе Рыбака. При анализе таких произведений важное место принадлежит стратегиям развития критического мышления. Целесообразно использовать такие формы, как создание и проблемной ситуации, и решение проблем, диспут, написание эссе.

Говорить о толерантности имеет смысл только вместе со значимостью для человека той ситуации, в которой она проявляется. В ряде случаев человек терпит нечто до поры, а затем не выдерживает и реагирует в полную силу, как Петрок с приходом немцев в быковской повести «Знак беды». «Ничего, как-нибудь, – сказал Петрок. – Мы перед ними не виноватые. Если с ними по-хорошему, так, может, и они... Не съедят, может...». Он говорил так, подбадривая себя и успокаивая жену, хоть сам не меньше её сомневался: а так ли это? Знал и чувствовал только то, что надо как-то пересидеть лихую годину, а там, может, что-то изменится. Не век же быть этой войне. Чтобы застеречься от беды, надо вести себя как можно осмотрительнее и тише. Это как с кусачей собакой: избавь Боже его зацепить, надо пройти мимо, будто его и не видишь, но и не показать страха – делать вид, что он тебя не касается. Так и с фашистами. Неужели, если он их не зацепит, они без видимой причины будут к нему придирааться? Что он, какой-то начальник или партийный, или хотя бы еврей из местечка? Слава Богу, здешний, беларус и крещён в христианскую веру, сельчанин, колхозник – такой же, как и все вокруг. А что сын в Красной Армии, так то разве по своей воле?» [5, с. 20]. Однако он оказался способным на подвиг, сущность которого – в победе над собственной слабостью.

Учитывая вышеуказанное, необходимо в процессе анализа программных произведений стремиться к созданию «критического образа» белоруса, а также апеллировать к тем художественным образам, которые олицетворяют амбивалентность национального характера, диалектику его полярных черт, таких как твердость и мягкость, податливость и молчаливое упрямство, терпеливость и отчаянный, героический радикализм. Заинтересованное исследование данного феномена позволит молодым белорусам отчетливо увидеть грань, которая отделяет традиционную толерантность от соглашательства и измены, убедиться, что один и тот же психофизический феномен может проявляться диаметрально противоположно. В условиях, когда избежать позора или краха не-

возможно, когда речь идет о сохранении достоинства, самосохранении вообще, защите ближнего от насилия, белорус обретает способность переступить через свою пресловутую «мифологическую» толерантность.

Высшее проявление интолерантности являются собой зависть, ненависть, ревность. Рассмотрим более пристально такой род отношений, как зависть, поскольку она в большей степени социально ориентирована – «претендует на передел, изменение, возникновение новой ситуации» [2, с. 139], что особенно отчётливо проявилась в 20-30-е годы прошлого века, на этапе смены форм собственности, когда доминирующей стала тенденция абсолютизировать общественную собственность и недооценивать все иные формы, сложившиеся исторически. На практике это, как правило, приводило к деформации личности, её социальной трагедии, чем являлось, в частности, раскулачивание. «Хоть «кулацкость» многих, – писал Я.Колас, – просто одно недоразумение» [10, с. 145]. Герой его повести «Отщепенец» Прокоп Дубяга, «будто что-то прикидывавая в уме, ... говорит телушке», которая у него «такая ловкая», «как родная дочка»: «Сделашь ты меня, волчья сыть, кулак(ом)! А пользы от тебя – кот наплакал...» [10, с. 96]. Односельчане Дубяги не без оснований опасаются, что в колхозе «один будет работать, а десяток отлынивать от работы» [10, с. 183]. И всё же по причине того, что толерантность белорусов – плод их исторического опыта, лозунг о неизбежности классовой борьбы, возникающей на почве перераспределения собственности, с трудом приживался на белорусской почве. Это оригинально показано З. Бядулей в романе «Язеп Крушинский»: «...началось в округе разделение на богатых и бедных, ... но классовое чувство не имело нужного развития... Замысловато сплетённая цепь кровного родства... была этому одним из главных препятствий» [6, с. 233].

Однако несложно было поставить на службу этому «классовому чувству» обычную человеческую зависть – «негативизм к другому, порождает его собственными (но обязательно положительно оцениваемыми) качествами или его имуществом, тоже оцениваемым положительно, привлекательным для завидующего» [2, с. 124]. Уже из данного определения вытекает двойственность зависти: негативизм к владельцу привлекательного сочетается с тяготением к его качествам или имуществу самим по себе. Сила зависти напрямую связана с тем, каким жизненным принципом руководствуется человек – «иметь» или «быть» (М. Бубер). Многие из завидующих склонны воспринимать лишь конкретную

вещь в чьих-то руках, не имея способности «домыслить» того, что предшествовало овладению ею. В частности, такие люди не обладают способностью увидеть связь между трудом и зажиточностью, а умеют лишь сравнивать то, что есть у них, с тем, что есть у других. Обладатель привлекательной для завидующего вещи становится, таким образом, повинен самим фактом своего существования в качестве её владельца. В этом случае характеристики его личности несущественны для завидующего. Для последнего имеет значение только факт владения желанным имуществом. Именно оно часто и выступает как средство характеристики героя в произведениях означенного нами периода.

Завистливые вряд ли способны (и желают) разбираться в душевных качествах других людей. Они также не стремятся сравнивать трудовые усилия, уровень квалификации, затраченное на достижение благосостояния время, не считают несправедливым то, что кто-то трудится значительно больше. Нередко вызывает негативизм и сам труд, поскольку он приводит к неравенству. В литературе нередки описания того, как, например, после революции громили помещичьи усадьбы. Таким образом выявлялось подсознательное стремление устранить «интенсивный раздражитель» как неотъемлемая часть стремления определённой части индивидов к своеобразно понимаемому ими равенству – поделить всё поровну. Завистливые часто бывают обидчивыми. Обидчивость ищет повод проявить себя и легко находит его в уже указанной ситуации «лишения». Тем более, что в глубине обидчивости всегда просматривается «вина» другого, в избранном нами контексте – кулака... Так обидчивость смешивается с завистью. Также у завидующего закономерно возникает чувство униженности и, в некоторой степени, чувство попранной справедливости. Эта «взрывоопасная» смесь может порождаться и тем фактом, что владелец какой-то дорогой и сложной вещи понимает её назначение и умеет ею пользоваться. В таком случае негативизм обращается и против самой вещи. В ряде произведений, посвящённых теме коллективизации, которые написаны в исследуемый нами и последующие периоды, такой конкретной вещью выступает молотилка. В самом тексте она является выразительной художественной деталью, характеризующей многие фигуры и взаимоотношения, часто выступая как «сюжетный нерв» действия. Отмеченный выше негативизм выражается, в частности, теми сравнениями, которые конструируют авторы в соответствии с идейно-художественным замыслом произведения.

Стремится приобрести молотилку герой романа К. Крапивы «Медведичи» Юзик Веремейчик, ещё не догадываясь, что подобное приобретение, как скажет позднее В. Быков, – «начало... беды, которая чёрным вороном закружилась над его головой» [4, с. 410]. В романе И. Мележа «Люди на болоте» молотилка, окрашенная в красный цвет, вызывает у героини ассоциацию с нарывом («скулай»). В. Быков в повести «Облава» посвящает не одну страницу рассказу о том, как молотилка «определила... в кулаки» [4, с. 408] главного героя произведения Хведора Ровбу. Она недолго погрохотала на его току. Следующей осенью пришёл председатель сельсовета Сокур и «с ним ещё кто-то усатый из района и опечатали», так как «нашлись завистники ..., которые написали на него за молотилку аж в Полоцк – что обирает сельчан» [4, с. 410]. Прошло ещё месяцев десять, и Ровбу с семьёй раскулачили и сослали в Котлас...

Следует также отметить, что мысль о привлекательности некоей вещи доминирует в сознании того, кто завидует, над осмыслением способов её изготовления или зарабатывания – завидуют как добытому честным трудом, так и украденному, что ещё более размывает нравственные ориентиры. Трудно не разделить мнение белорусского учёного В. Колесника о том, что собственность, нажитая честно, воспитывает, а наворованная – деморализует. Однако мысль о необходимости зарабатывать привлекает далеко не всех, поскольку иметь понравившуюся вещь хочется не в отдалённом будущем, а сейчас. Образ обладания ею становится доминантой психики, т. наз. «доминантой зависти» [2, с. 128]. Вся психическая деятельность индивида подчиняется желанию, которое он не может осуществить. Таким образом, зависть мешает систематически трудиться. Понимание данного явления и отношение к нему закреплено, в частности, в белорусской народной сказке «Лёгкий хлеб». Правда, герой лишён возможности отнять полюбившийся ему продукт – у него ещё и не успевает созреть подобная мысль, как он строго наказан за нежелание самому заработать свой хлеб...

Сюжеты многих литературных произведений, в особенности 1920-1930-х годов, позволяют проследить и то, как положительные свойства предмета будто бы переносятся на его владельца, но с обратным знаком – владелец «хорошей» вещи становится «плохим» человеком. Так, заглавный герой романа З. Бядули, «Язеп Крушинский» с приближением коллективизации начинал отчётливо чувствовать: «Быть теперь хозяином большого надела земли – то же самое, что быть хозяином ветра в поле» [6, с. 206]. Жена

героя повести Я. Коласа «Отщепенец» Прокопа Дубяги Татьяна также замечает: «Небольшое счастье быть теперь богатым» [10, с.101]. Да и сам Прокоп вынужден признать, что и он всю жизнь «собирал добро, как ворон кости» [10, с.103]. Извечный конфликт отцов и детей усугубляется новым стилем отношений, которые закладываются в это время; своя роль принадлежит в этом и деформации извечной толерантности. Так, в романе К.Крапивы «Медведичи» отец в сердцах говорит сыну: «Коль ты уж берёшься командовать, так командуй, руководи всем хозяйством. Пускай и команда твоя будет, и забота... Что ж он ещё видел? Разве он знает, как с людьми жить?.. Я вот сейчас жизнь проживу, а никому зла не причинил, а он слишком уж берётся смолоду. Ты человеку сейчас неприятность сделаешь, а придёт его время – он тебе в десять раз отплатит» [11, с. 325].

Вместе с тем в словах «отщепенца» Прокопа Я.Колас выразил и жизненную мудрость белорусов, их толерантность к переменам: «Ну, раз вы хотите в колхоз – идите себе... Не мешай жить тому, кто хочет жить по-новому... Ну, живите себе как хотите, а я погляжу...» [10, с. 159].

Индивиды, нетерпеливые в потреблении, часто небрежны с предметами, легко портят их. И потому, что не берегут, и потому, что не умеют обращаться. Ведь главное то, кому принадлежит привлекательный предмет. «Технологические» же вопросы их интересуют мало. Из этого логически вытекает, что завистливые небрежны с вещами. Но тем не менее, независимо от того, как такой индивид обращается с собственными вещами, чужие его неизменно привлекают, и вещь в чужих руках является для него очень сильным раздражителем. Совершенно без связи с мыслью о том, что сам, вполне возможно, только что подобное же имел, но не сберёг. В результате, получив поровну, своё они быстро проедают (проживают, пропивают) и начинают завидовать тому, кто этого не сделал, т. е. продолжает обладать имуществом и способен его беречь. Именно по этой причине «распределительный социализм» изначально обречён: никакое распределение в принципе (кроме условий террора) не способно снять социальное напряжение в обществе. К тому же само демонстративное распределение «на всех» никоим образом не уменьшает количества завидующих и сравнивающих, а, скорее, воспитывает в духе принципа «Кто сколько получил?» [2, с. 131]. Кулак Громобой в романе «Медведичи» говорит, мысленно обращаясь к уполномоченному по коллективизации: «Боится, чтоб паны не выросли. Так всё равно не

выровняешь всех. Бог леса не сравнивал, а то людей ты сравнишь. Раздели вот сегодня всё поровну, так на следующий год снова передел устраивать придётся. Потому что один будет работать от темна до темна, а другой – греть пузо под солнцем. Думаешь, он что-то иметь будет? Съест то, что ему выделили, да и опять ему давай». Когда бедняк-односельчанин Кухар возражает, что он, мол, и не лежит, а уже хлеб кончается, Громобой парирует: «Кто тебе говорит, что ты лежишь? Не ты, так, может, твой батька или дед лежали, что тебе от них ничего не осталось. Да и семья у тебя – слава богу, детей пятеро» [11, с. 241].

Базисная роль в воспитании толерантности принадлежит оценке, в зависимости от характера которой человек проявляет толерантность или интолерантность. Оценочная функция психики реализуется в соответствии со следующим алгоритмом: увидеть вовремя – рассмотреть детально – понять правильно [2, с. 27]. Ведь самая большая трудность в понимании позиции другого человека – поверить, что он по-своему прав. Помочь человеку поверить в ценность своих мыслей, в свой опыт, научить прислушиваться к себе, конструировать собственное знание – вот что становится важным в образовании. И здесь важно не только его содержание, а и адекватный поставленной цели методический инструментарий. Французская исследовательница О. Басис предлагает следующий алгоритм появления «своего» знания: «Размышлять и конструировать знание самому возможно, потому что знание образуется в ходе реальных процессов, продуцирующих мысль и действие. Эти процессы должны происходить в ситуации открытого столкновения собственных сомнений и противоречий с сомнениями и противоречиями других. Вовсе не для того, чтобы вытеснить чьё-то мнение или мысль, но для того, чтобы вместе обучаться в ситуации ненасильственного разрешения конфликтов, в таких условиях, которые одновременно сближают и дифференцируют, обучаться тому, как научиться прислушиваться к себе и как обдумывать, аргументировать, решать, не бросать работу над получением знания, наталкиваясь при конструировании на многочисленные препятствия» [2, с. 47]. Понимание достигается путем осуществления такой умственной операции, как интерпретация – выявление максимального числа связей и соотношений оцениваемого объекта с другими. Не возникает сомнений: оценка по сути своей субъективна, что вытекает из субъективности свидетелей, которые, казалось бы, видели одно и то же. Но они только смотрели на одно и то же, а видели разное, каждый свое. На это

вливают следующие обстоятельства: разная степень значимости оцениваемого для оценивающего; объективная сложность объекта оценки, поскольку каждым оценивающим фиксируются одни стороны объекта и упускаются другие; различия в степени эмоциональности оценивающих. От этого зависит, что же вообще окажется объектом оценки: само произошедшее либо впечатление от него. В педагогической деятельности автора данной статьи доказало свою целесообразность использование ролевой игры из арсенала методов гражданского образования под условным названием «Пожарник» [9, с. 46], модифицированной в соответствии с целями литературного образования. Перед её началом ведущий выбирает небольшую территорию для просмотра, которую в ходе игры будут наблюдать участники. Каждый из них получает карточку с ролью, сохраняя её в тайне от окружающих. С данной ролью необходимо максимально идентифицироваться. Все участники одновременно выходят на предложенную территорию и в течение пяти минут наблюдают за происходящим глазами своего персонажа. Вернувшись в аудиторию, каждый берёт лист бумаги и описывает всё, что он видел. При этом важно не употреблять слов, указывающих на «свой» персонаж. После окончания описания вывешивается перечень персонажей, «присутствующих» в данной аудитории. Каждый по очереди зачитывает своё описание, после чего группе даётся небольшая пауза, во время которой остальные участники фиксируют свою версию о роли выступившего. Когда все описания зачитаны, высказываются версии относительно роли каждого в отдельности, а затем, после озвучивания версий, участник называет роль, в которой он выступил. В применении на занятиях по литературе данный приём приобретает свою специфику, в некоторой степени даже упрощаясь: учащимся (студентам) предлагается оценить определённое событие в художественном произведении с точки зрения его участников. Это может быть, например, рассказ В. Быкова «Свояки», в котором раскрывается во всей трагической глубине проблема «своих» и «чужих», самым непосредственным образом соприкасающаяся с проблемой толерантности. Мать, обеспокоенная решением сыновей пойти в партизаны, решает обратиться за помощью к свяюку-полицейскому в надежде, что тот просто припугнёт хлопцев и они останутся дома. Однако развитие событий приводит к гибели обоих сыновей и самоубийству матери.

Размышляя над выражением «Красота спасёт мир», И. Бродский писал: «Всякая новая эстетическая реальность уточняет для

человека его реальность этическую. Ибо эстетика – мать этики... В этике не «всё позволено» именно потому, что в эстетике не «всё позволено», потому что количество цветов в спектре ограничено. <...> Эстетический выбор всегда индивидуален, и эстетическое переживание – всегда переживание частное... и частность эта, обретающая порою форму литературного (или какого-либо иного) вкуса, уже сама по себе может оказаться формой защиты от порабощения, ибо человек со вкусом, в частности литературным, менее восприимчив к.. любой форме политической демагогии. Чем богаче эстетический опыт индивидуума, чем твёрже его вкус, чем чётче его нравственный выбор, тем он свободнее – хотя, возможно, и не счастливее» [3, с. 454]. Всё вышеуказанное имеет непосредственное отношение к творчеству и судьбе белорусской поэтессы Ларисы Гениуш (1910-1983), которая в 1948 году была осуждена на 25 лет лагерей и освобождена досрочно после смерти Сталина. В своей книге воспоминаний «Исповедь» она пишет о представителях (а в силу обстоятельств, прежде всего представительницах) разных народов, встретившихся ей на этом тяжёлом пути. В разговоре с «дамами-начальницами» на вопрос «Что вы делаете?» Л. Гениуш, по её словам, ответила: «Изучаю психологию наций в лагере: кто чего стоит...» [7, с. 204]. Это позволяет обратиться к содержанию книги как одному из источников ряда художественных моделей толерантного / интолерантного поведения. Особое место автор отводит воссозданию ментальной фактуры и моделей поведения украинских женщин. «Только я не одна, со мной всегда люди, особенно украинцы, которых безмерно ценю...» – вот квинтэссенция её отношения к представителям братского народа, проверенного на прочность суровыми испытаниями [7, с. 247].

... Поезд, в котором везли людей, арестованных в Праге, пришёл во Львов, и вскоре их, как пишет Л. Гениуш, «пустили в зону лагеря. Мы были на Украине, и это чувствовалось. Украина заселяла тогда лагеря» [7, с. 160]. В одном из барачков, заглянув в глазок, она увидела, как, «будто в волшебной сказке, сидят на узелках украинские девчата, красивые, молоденькие, в вышитых кофточках, все с косами, и грустное что-то поют. Помещение большое, и много их, много, и такая ... чистота и святость идёт от них, что глаз не оторвать. У меня замерло сердце – о, Украина, дорогая, родная, за что тебе такая мука...?» [7, с. 162]. Далее Л. Гениуш пишет о пребывании в пересыльной тюрьме: «Познакомилась я с... украинками. Тут я ожила! Это были... идейные, чистые, как слеза, боевые девчата и женщины, со следами побоев на теле. Мы... говорили

часами. У меня захватывало дыхание от их отваги, мужества, мучений. Всё это они воспринимали естественно, думая только об Украинне». Поэтессу потрясло, как 10-летний мальчик, убежавший от голода с 12-летней сестрой из высылки на Украину (их через тюрьму возвращали обратно куда-то в Коми или Казахстан), сказал ей однажды, «что очень верит в то, что их «жовто-блакитный стяг» будет над Киевом». По словам Л. Гениюш, «на пересылке этой чувствовался бой, атмосфера несказанного, подобного греческому, благородного геройства. Женщины пели, совместно молились и никогда не плакали», а при малейшей возможности вышивали чудом спрятанной настоящей иглой либо иголками из рыбьих костей «трагическую историю этих времён. Были это мадонны, с молитвою под изображением, сердца, пробитые мечом, с которых капала кровь на украинскую землю, могилы убитых мужей и сыновей с надписями, и венцы терновые, и разорванные на руках девушки-Украины вражеские цепи». Поэтесса уверена, что некогда будет музей борьбы и боли этой Земли и «человечество поклонится бабусям набожным и «коронованным» девчатам. Коронование... Это чекисты ставили у стен девчат и обстреливали им короны вокруг головы. От этого седели, сходили с ума, а у одной «коронованной», Ольги, так и осталась дырочка на челе...» [7, с. 163-164]. На этапе, в зарешённом купе, за Л. Гениюш сидели «женщины, которых отвозили куда-то на Север, откуда они и убежали. Вещей у них не было, только немного продуктов, большая любовь к Украине и надежда на возвращение домой» [7, с. 167].

Автор книги останавливается и на эпизоде, когда после длительного пребывания в минской тюрьме-«американке» над ней и её мужем наконец состоялся суд. «Верховный суд БССР при военном прокуроре... Председателем его был некто Шевченко». «Это однофамильство живодёра и гения, – отмечает поэтесса, – меня чрезвычайно смущало» [7, с. 179].

В лагере на Инте, рассказывает Гениюш, украинские девчата пошли колядовать по территории и пропели: «Спи, Иисусе, спи на сини, дай Бог счастья Украине». За это они заплатились двенадцатью сутками заточения в барак усиленного режима. Конечно же, «девчонки могли каяться, плевать на религию и свои обычаи, но это были украинки. Они терпели упорно, пока их еле живых не вытащили из БУРа». Узники проклинали стукачей, от которых некуда было деться. Были они и среди украинцев, но считанные. В массе своей украинцы были импонирующе стойкими, благородными и очень дружными» [7, с. 199].

За редким исключением, белоруски, с точки зрения автора «Исповеди», «были... преимущественно слабые, неинтересные типы» [7, с. 203]. Среди таких исключений, например, «Мария-белорусочка, советская патриотка, но чистый такой, не лживый человек» [7, с. 248]. Буквально потрясла Л. Гениуш судьба красавицы-белоруски Жени Позняк, у которой – она была арестована в 16 лет – уже заканчивался 10-летний срок высылки. Женя была беременна от начальника, который добился её «травлею и издевательствами» вдали от большого начальства, а потом влюбился и ждал, пока она освободится. Девушка люто ненавидела его, но всё же решила родить, хоть мало кто из осуждённых признавал право такого ребёнка на жизнь. Впоследствии многие хотели жениться на ней, но предлагали отдать сына в детдом. Она не соглашалась и ненавидела таких людей. Вскоре она заболела, заболел и ребёнок. В критический момент в жизни Жени появился Алексей, грузин. Он начал сперва спасать ребёнка, а затем Женю и взял её в жёны. Л. Гениуш пишет: «Я люто злилась на наших парней, не способных на добро и великодушис» и «с радостью убедилась, что в Грузии рождались не одни Сталины, но и Алексеи» [7, с. 225]. Рассказывая о разнообразных издевательствах конвоиров, поэтесса отмечает: «А мы стояли, как стена, и пели. Пели украинки свои повстанческие песни, отчаянные и гневные...» [7, с. 209]. Она признаётся, что «припадала душой к украинской стихии простых девчат и женщин, которых живьём оторвали от земли и их семей. Они были искренни, стойки, чисты, как вода карпатских криниц, и этим бесконечно сильны» [7, с. 212]. В другом эпизоде книги автор отмечает: «...Насколько они добрые и ласковые для добрых людей, настолько яростные и жестокие по отношению к врагу» [7, с. 247]. Белорусок по сравнению с украинками было «на ОЛПе немного». Л. Гениуш утверждает, что большинство из них «запугали и купили» [7, с. 212]. «Немногие из них понимали судьбу своего народа и то, что надо было при разных обстоятельствах жить и о нём думать» [7, с. 255]. При этом автор не выносит приговора, а констатирует, поскольку сама это испытала: «Голодом и террором держали, как в клещах» [7, с. 223] – и вынуждена признать, что в лагерных условиях «люди одичали, озверели за десятилетия животного существования» [7, с. 236]. Встретив конвоира-земляка, почти односельчанина, Л. Гениуш впоследствии так передаёт свои чувства: «Посматриваю на него с жалостью, но утешаюсь тем, что и в нём ещё тлеет искра человеческой белорусской народной культуры, и жалко, и стыдно ему, что, как собака, стоит над своими...» [7, с. 258].

Проблема толерантности тесно связана с проблемой религиозности личности, которой в книге Л. Гениуш отведено значительное место. Автор пишет, резюмируя свой опыт общения с представителями разных конфессий: «Вообще, верилось только людям, которые не отреклись от Бога. Только такие были всегда стойкими и сочувствующими. Такие не подводили. <...> Нигде так ясно не было, как здесь, что «вера без дел мертва есть», а без любви к людям – тем более» [7, с. 238-239]. О встреченных в Мордовии духовных сёстрах-украинках Л. Гениуш отзывается так: «пречистый идейный народ» [7, с. 261]. Не ставя перед собой специальной цели художественного исследования проблемы толерантности, автор «Исповеди», тем не менее, осуществила подступ к нему в рамках своего произведения, поставив эту характеристику личности в прямую связь с другими, необходимыми для её полноценной социализации – гражданственностью, патриотизмом и др.

Таким образом, проблема формирования толерантной личности актуализирована своеобразием современного этапа общественного развития. Толерантность как доминанта отказа от агрессии является исторически сложившейся чертой белорусского национального характера и во всей своей диалектической сложности воплощена в лучших произведениях отечественной прозы, в том числе 20-30-х годов прошлого века. Данный эстетический феномен может и должен быть трансформирован в педагогический в процессе литературного образования учащейся молодёжи на всех его этапах. В качестве методологии такой трансформации представлена социально-когнитивная теория А. Бандуры, на основании которой литературный характер рассматривается в качестве своеобразной модели толерантного поведения. Ведущие принципы интерпретации предложенных художественных текстов в рамках решения данной проблемы – принципы анализа литературного произведения в единстве содержания и формы и личностно ориентированного обучения с использованием отдельных стратегий развития критического мышления. «По чьему бы образу и подобию мы ни были созданы, – писал И. Бродский, – другого будущего, кроме очерченного искусством, у человека нет. В противном случае нас ожидает прошлое – прежде всего, политическое...» [3, с. 456]. Произведения белорусской прозы, проанализированные, с разной степенью глубины, в данной статье, подтверждают эту мысль.

1. Белая Е. И. Феномен национального характера в контексте формирования гуманистического сознания школьников (на примере отечественной литературы) / Е. И. Белая // Педагогический альманах: теория и практика. № 1-2. – 2005. – С. 119-126.
2. Бондырева С.К. Толерантность (введение в проблему) / Бондырева С.К., Колесов Д.В. – М.: Изд-во Моск. соц.-психол. ин-та; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2003. – 240 с.
3. Бродский И.А. Форма времени: Стихотворения, эссе, пьесы. В 2 т. / Бродский И.А. Т2. – Минск: Эридан, 1992 – 480 с.
4. Быкаў В. Збор твораў. У 6 т. / Быкаў В. Т. 5. Кар'ер: Раман: У тумане; Аблава: Аповесці. – Мінск: Маст. літ., 1994. – 495 С. 365-431.
5. Быкаў В. Збор твораў. У 6 т. / Быкаў В. Т. 4. Аповесці. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1993. – С. 5-245.
6. Бядуля З. Язэп Крушынскі: Раман. Кн.2. / З.Бядуля. Збор твораў. У 5т. Т.5. – Мінск: Маст.літ., 1989. – С. 5-249.
7. Геніюш Л. Сповідзь / Геніюш Л. // Падрыхт. тэксту, прадм., камент. Чарняўскага М.М. – Мінск.: Маст. літ., 1993. – 271 с.
8. Драгомирецкая Н.В. Автор и герой в русской литературе 19 – нач. 20 вв.: диалектика взаимодействия. – Дис. д-ра филол. наук. – М, 1989. – 396 с.
9. Инновационные методы обучения в гражданском образовании / Величко В.В., Карпиевич Д.В., Карпиевич Е.Ф., Кирилюк Л. – Минск: «Медисонт», 2001. – 168 с.
10. Колас, Я. Адшчапенец / Я.Колас. Збор твораў. У 7 т. Т. 6. // Дзярж. выд-ва БССР: Рэд. маст. літ. – Мінск, 1952. – С. 93-202.
11. Крапіва К. Збор твораў. У 3т. Т.2. Проза. Мінск: Дзярж. выд-ва БССР; Рэдакцыя маст. л-ры, 1956. – С. 141-380.
12. Фромм Э. Типы агрессии / Психология человеческой агрессивности: Хрестоматия / Сост. К.В. Сельченко.- Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2001.- С. 354-428.
13. Хьелл Л., Зиглер, Д. Теории личности / Л. Хьелл, Д. Зиглер. – СПб.: Питер, 2005 – 607 с.

In this article substantiate actuality of the problem, methods and means of formation of a person's tolerance in the course of the literary education on the grounds of training by way of observation (A. Bandura) of various patterns of tolerance behavior are justified. These patterns are images-characters of Byelorussian prosaic works.

Key-words: *tolerant person, literary character, observation, pattern, critical thought.*